

Передо мной в твёрдом красном переплёте книга, изданная Приволжским книжным издательством, на обложке которой на фоне мемориального обелиска «Журавли» в парке Победы на Соколовой горе города Саратова — надпись: «Подвиги во имя Отечества бессмертны». Книга — о Героях Советского Союза, причастных к земле саратовской. Автор-составитель, ветеран Великой Отечественной войны Николай Николаевич Тимонин, собрал в этой книге биографии Героев Советского Союза — как уроженцев земли саратовской, так и тех, кто учился, жил и работал в Саратовской области. Среди них я нашёл и героев, причастных к эстонской земле.

Первый в этом списке — эстонец Эндель Карлович Пусэп.

Родился герой 1 мая 1909 года на хуторе Самовольный Енисейской губернии (ныне Манского района Красноярского края), в семье эстонских крестьян-бедняков, переселившихся в Сибирь ещё до столыпинской реформы.

Эстонцы, исконные крестьяне, всегда называли себя «детьми земли». Дед Энделя — Иозеп Соо — много лет отрывал от семьи крохи для выкупа за маленький надел. А когда полностью погасил всю сумму, помещик без зазрения совести изрёк: «Ничего ты мне не платил, проваливай отсюда». И тогда семья собралась в дальнюю дорогу. Многие уезжали на край света в поисках лучшей доли. В тайге корчевали участки, ставили дома. Так появились самовольные хутора. Рядом с эстонцами селились такие же безземельные латыши. Сибирь стала им второй родиной. Для Энделя советская власть пришла на хутор тихо и незаметно в лице его отца Карла Пусэпа, которого выбрали первым председателем сельсовета. С детства мечтал стать лётчиком. У Энделя появилось увлечение: вместе с братом клеили из бумаги самолёты, привязывали шпагатом, бегали под горку... В 1922 году впервые увидел настоящий самолёт, летевший низко над тайгой к станице. Опрометью бросился во двор, схватил за уздечку лошадь, помчался без седла как оголтелый за двадцать вёрст. Успел... Самолёт стоял на базарной площади, вокруг важно прохаживался механик — в кожаной куртке, тёплом шлеме. Не один час вертелся рядом докучливый мальчуган, засыпал вопросами: «А это что? А это

зачем?» — пока механик не посоветовал: «Учись на пилота, сам всё узнаешь». Грамотой хуторским ребятам помогал овладевать бывший ссыльный учитель Вольдемар Карлович Оя. Уже после Великой Победы Эндель встретил своего первого учителя в Эстонии. Вольдемар Карлович Оя в ту пору был первым министром просвещения республики.

В год смерти В. И. Ленина, пройдя через заснеженную тайгу в станицу Шалинскую, Эндель записался в комсомол. Окружком партии послал комсомольца Энделя Пусэпа, как «представителя бедняцкой семьи», на учёбу в Ленинградский педагогический техникум. Проучившись там один год, перешёл в военно-теоретическую школу Военно-воздушных сил в Вольске. В своей книге воспоминаний «Тревожное небо» Э. К. Пусэп указывает, что он родился в 1910 году, но прибавил себе год при оформлении документов, чтобы поступить в лётное училище.

«Наконец нам перед строем зачитали приказ: такие-то и такие взводы нашей и ряда других рот переводятся в город Вольск на Волге, в авиационную школу лётчиков и авиатехников. Вольск так Вольск. Главное — школа также лётная. Один из наших курсантов, Павел Ищенко, родом из Одессы и, как всякий одессит, шутник и балагур, серьёзным тоном заявил, что Вольск хотя и не Одесса-мама, но за мачеху вполне сойдёт...» (Павел Иванович Ищенко, лётчик-испытатель, погиб 26 мая 1942 года в испытательном полёте на бомбардировщике Ту-2.)

Приказом Реввоенсовета СССР № 308 от 24 мая 1928 года начинается подбор командного и политического состава для будущей Вольской объединённой военной школы лётчиков и авиатехников (ОВШЛАТ), она объединяла две лётно-авиатехнические школы. Первым начальником возрождённой Вольской военной школы был назначен комдив Фёдор Иванович Жаров. 8 октября 1928 года в ОВШЛАТ начались первые занятия, а 7 ноября 1928 года состоялось торжественное открытие школы.

Основными помещениями для школы были здания бывшего кадетского корпуса. С помощью местных городских организаций и самих курсантов начался ремонт помещений.

...Волжский город Вольск — бывшее селение Мальковка, которое Екатерина II, по слухам, хотела переименовать в Злобинск или Константиногорск в честь известного вольчанина, потомственного дворянина Константина Злобина, сделавшего много для родного города. До сих пор в Вольске стоят красивые здания, построенные этим меценатом. Протоиерей Василий Гаврилович Еланский, один из первых историков Вольска, писал: «Прежде всего, нужно сказать, что слово „Мальковка“ — татарское и буквально значит „клад“, „кладовое место“, в более широком, переносном смысле — вообще привольное и приятное по житию место, подобно тому как у нас часто говорится: это место — сущий клад, это место — настоящий рай». В «Путеводителе по Волге» Якова Кучина (Саратов, 1865 год) так описывается волжский городок: «Вольск по внешности представляется более значительным и богатым городом, чем он есть на самом деле... Для этого города нет будущности...»

В сентябре 1908 года на базе Вольской военной школы создан Вольский кадетский корпус. Его формирование проходило с 1908 по 1913 год. В Вольской военной школе пытались перевоспитывать и дядю писателя К. Г. Паустовского. Вот что он пишет о перевоспитании своего дяди: «Дядя Юзя учился со своими братьями в этом (Киевском) корпусе. Четыре года прошли благополучно, но на пятый год дядя Юзя был переведён из Киева в штрафной „каторжный“ корпус в город Вольск, на Волге. В Вольск кадетов ссылали за „тяжкие преступления“. В Вольске дядя Юзя пробыл два года. На третий год его исключили из корпуса и разжаловали в солдаты за то, что он ударил офицера: офицер остановил его на улице и грубо изругал за мелкий беспорядок в одежде».

В 1908–1909 учебном году вновь образованный Вольский кадетский корпус принял пятьдесят человек в первый и второй классы, в следующие пять лет — каждый год по сорок человек. На 20 августа 1912 года в Вольском кадетском корпусе числилось двести пятьдесят кадетов. На 1 января 1914 года в этом учебном заведении обучалось двести пятьдесят пять человек мужского пола. 1 мая 1914 года Вольскому кадетскому корпусу было пожаловано знамя. 17 мая 1914 года в Вольск для его вручения специально пожаловали генерал-инспектор военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович и начальник гувуза генерал от инфантерии А. Ф. Забелин.

Великий князь Константин отнюдь не формально выполнял свои обязанности по воспитанию будущих офицеров. Он регулярно устраивал военные сборы, посещал военные школы империи, вникая во все стороны жизни их воспитанников. В 1900 году вольские кадеты побывали у великого князя в гостях в его великолепном Стрельнинском дворце. Позже Константин Константинович сам

приехал в Вольск к своим юным друзьям. В библиотеке корпуса после этого посещения осталась роскошно изданная книга стихов Константина Константиновича, а в Крестовоздвиженской церкви — икона преподобного Сергия Радонежского, написанная в Троице-Сергиевой пустыни — небольшом монастыре под Стрельной, где вольские кадеты молились вместе с великим князем.

Именно вольским кадетам был посвящён один из лучших сонетов поэта К. Р.:

Кадету

Хоть мальчик ты, но, сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьёй,
Гордись ей принадлежать душой.
Ты не один — орлиная вы стая.

Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!

Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела:
Ей нужны труд, и знанье, и усилья.

Пуškai твои растут и крепнут крылья,
Чтоб мог и ты, святым огнём горя,
Стать головой за Русь и за Царя!

Первый выпуск в Вольском кадетском корпусе произошёл 29 мая 1914 года. После молебна двенадцать кадетов-выпускников приложились к святому кресту и были окроплены святою водою. Затем состоялся парад и прощание со знаменем — церемониальная передача его от кадета Игоря Беккера новоназначенному знаменщику кадету Игорю Широкову. После фотографической съёмки в зале корпуса прошёл прощальный обед. На вечере торжественно и символично прозвучали слова марша Вольского кадетского корпуса:

...Мы стойко встретим бури в жизни,
Не дрогнут наши пусть сердца;
Царю на радость и отчизне
Послужим верно до конца.
Запомним всё, что нам внушали,
И всюду будем удальцы;
За славу воинских регалий
Служить готовы, как отцы.
Ура! Наш Вольский корпус новый,
Гордись, расти и процветай!
И для тебя венок лавровый
Мы принесём в Поволжский край.

«В Вольске мы впервые своими руками взяли за самолёт. На одной из утренних проверок командир роты Олев сообщил нам, что на железнодорожную станцию прибыли платформы с самолётами. А так как для перевозки на аэродром транспортных средств нет, самолёты решено доставить в школу

своими силами... — вспоминал Эндель Пусэп. — И вскоре начались ознакомительные полёты. На поле три самолёта. К каждому из них направляется взвод курсантов. Лётчики сидят в кабинах, техники, передавая из рук в руки вёдра с горячей водой, заливают её через воронки в радиаторы. Вода льётся тонкими струйками в снег.

Затем мы начали руками крутить пропеллер. С трудом провернули несколько раз. Подходит техник, рукой отодвигает нас. Взявшись левой рукой за кончик лопасти, техник протягивает правую мотористу. Тот, в свою очередь, сцепляет свободную руку с рукой другого моториста.

— Контакт! — неожиданно вскрикивает техник, и все трое с силой делают шаг в сторону. — Есть контакт! — отвечает лётчик.

Что-то жужжит в самолёте. Пропеллер качается и замирает. Вся процедура повторяется снова и снова.

Холодно. Мы постукиваем каблук о каблук. Наконец мотор нашего самолёта вздрагивает, выбрасывает клуб чёрного дыма, и пропеллер начинает быстро вращаться.

Мне и другому курсанту, помнится, его фамилия была Лончинский, поручается проведение самолёта до старта. Один из нас подходит к левой, другой — к правой консоли. Лётчик даёт полный газ, чуть-чуть приподымается от снега стальной костыль, а лыжи ни с места.

„Нужно покачать“, — знаками показывает нам лётчик. Нажимая на концы крыльев, мы с Лончинским старательно качаем. Вдруг крылья вырываются из рук, и я оказываюсь носом в снегу. Отряхиваюсь, вижу, что и Лончинского постигла та же участь (Леонид Дмитриевич Лончинский репрессирован в 1934 году).

И вот лётчик манит меня пальцем... С замирающим сердцем я лезу в самолёт. Непослушными пальцами долго-долго застёгиваю привязные ремни. Лётчик не выдерживает: — Что вы там копаетесь?

Кричу, что я готов. Лётчик поднимает руку, стартер взмахивает чёрным флагом, и мы трогаемся. Самолёт несколько раз встряхивает, и раньше, чем я успеваю понять, что мы уже летим, горизонт проваливается вниз, и я вижу впереди только голубое небо. Внизу проносятся сады... Мне совсем не страшно. И хотя полёт продолжается минут десять, я не успел заметить, как всё кончилось. Шуршит снег, и самолёт останавливается.

Не спеша вылезая из кабины, важно шагаю к ожидающим своей очереди курсантам.

— Ну как? Страшно? Что ты чувствовал? — сыплются вопросы.

— Здорово!

Я торжественно передаю лётный шлем и очки следующему.

К весне теоретическая программа подошла к концу. Был зачитан приказ об окончании нами Вольской школы и о переводе курсантов-лётчиков уже в настоящие лётные школы. Большинство из нас направлялось в 3-ю им. Ворошилова Оренбургскую военную школу лётчиков и лётчиков-наблюдателей».

Это был 1929 год. На смену пришли новые курсанты, и среди них будущий легендарный Герой Советского Союза Анатолий Серов, чьё имя носит одна из улиц Саратова.

Мечта претворилась в жизнь: эстонский парнишка с глухого сибирского хутора в 1930 году, после успешного окончания 3-й военной школы лётчиков, стал командиром ввс РККА.

Молодой авиатор стремился в часть, а его оставили в Оренбурге инструктором. Летал Пусэп виртуозно. Рядом с ним курсанты невольно загорались, старались походить на своего наставника. Воспитывая курсантов, Эндель и сам шлифовал профессиональное мастерство.

В те годы барьером в действиях авиации являлись слепые полёты. Пусэп к служебным обязанностям инструктора добавлял «чуть-чуть от себя» — без разрешения пробовал подниматься в непогоду, выполнял сложные фигуры в условиях плохой видимости, за что неоднократно получал замечания. Успешно преодолел ещё одну ступеньку лётной науки — получил перевод в Ейск, где создавалась первая в стране эскадрилья по полётам вслепую.

Зачётным полётом Ейск — Москва — Ейск руководил флаг-штурман ввс И. Г. Спиринов, участник высадки знаменитой экспедиции И. Д. Папанина. Вели самолёты под чёрными колпаками, только по приборам. Для посадок приборов не было, лишь сзади подвешивали к машине тридцатиметровую железную цепь. Она-то и давала знать лётчику о расстоянии до земли. Опыт помог — Пусэп заслужил «отлично».

Памятно Энделю и участие в поисковой группе легендарного участника папанинской эпопеи, отважного пилота, второго Героя Советского Союза Сигизмунда Леваневского, пропавшего в августе 1937 года при перелёте в Северную Америку через Арктику. Во время поисков Пусэп познакомился с кинорежиссёром Романом Карменом. Они были сродни характерами — оба беспокойные, ищущие. Вместе пережидали пургу на Земле Франца-Иосифа. В последний раз встретились в Таллине, уже после войны.

«Женька! — взволнованно воскликнул Кармен. — Как я рад тебя видеть!»

Крепко обнялись два старых товарища — мечтатели, единомышленники, бойцы... Кармен рассказывал Пусэпу о своём фильме «Неизвестная война», который заканчивал вместе с представителями американского телевидения. Серия

документальных лент о войне: начало гитлеровского нашествия, блокада Ленинграда, оборона Москвы, Сталинградская битва и Курская дуга, падение Берлина, лагеря смерти, разрушенные города...

«Они должны знать, чем пахнет война», — убеждённо говорил Кармену военный лётчик, Герой Советского Союза Эндель Карлович Пусэп.

«Отважный полярный лётчик Э. К. Пусэп храбро сражался на фронтах Великой Отечественной войны и за героические подвиги был удостоен высшей награды Родины — ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Разнообразной была в те годы боевая работа Энделя Карловича. Он, как и многие другие полярные лётчики, ушёл на фронт добровольцем. Ему, пилоту, накопившему богатый опыт длительных арктических полётов, была доверена служба в советской бомбардировочной авиации дальнего действия, наносившей удары по важнейшим военным объектам в глубоком тылу противника.

Эндель Карлович был участником одного из первых налётов советской авиации на столицу фашистского рейха — Берлин», — писал в предисловии к книге Пусэпа его друг, второй космонавт СССР Герман Титов.

«Берлин — под нами. Город был нагло, вызывающе освещён. Столица государства опьяневших от военных успехов нацистов не могла поверить, что советская авиация повторит налёт...

И вот со свистом тяжёлые бомбы полетели вниз... Один за другим запылали в городе исполинские огненные цветы. Освещение моментально было выключено. Но мы продолжали выполнение нашего первого боевого задания. Только тогда, когда мы легли на обратный курс, связи лучей прожекторов начали ощущать небо и зенитные пушки нервно залаяли, вспарывая ночное небо рыжеватыми взрывами снарядов», — вспоминал Эндель в своей книге «Тревожное небо».

После налётов домохозяйки Берлина, уже в самом начале войны, писали своим мужьям на фронт такие письма: «Дорогой мой Эрнст! Война с Россией уже стоит нам многих сотен тысяч убитых. Мрачные мысли не оставляют меня. Последнее время ночью к нам прилетают бомбардировщики. Всем говорят, что бомбили англичане, но нам точно известно, что в эту ночь нас бомбили русские. Они мстят за Москву. Берлин от разрывов бомб сотрясается... И вообще скажу тебе: с тех пор как потянулись над нашими головами русские, ты не можешь представить, как нам стало скверно. Родные Вилли Фюрстенберга служили на артиллерийском заводе. Завода больше не существует! Родные Вилли погибли под развалинами. Ах, Эрнст, когда русские бомбы падали на заводы Симменса, мне казалось, всё проваливается сквозь землю. Зачем вы связались с русскими?»

При возвращении на базу самолёт Водопьянова, в котором Пусэп был вторым пилотом, был повреждён вражескими зенитками: из пробитого бензобака потекло горючее. «Последние литры горючего кончились где-то над Раннапунгера или Йихви». М. В. Водопьянов совершил вынужденную посадку в захваченной немцами Эстонии. Э. К. Пусэп впервые оказался на родине предков. Покинув повреждённый самолёт, экипаж встретил перепуганного мальчика-пастуха; благодаря Пусэпу, не забывшему эстонский язык, лётчики смогли узнать у него дорогу до линии фронта и вернулись к своим, избежав плена.

«Приказ о поощрении участников бомбардировки г. Берлина № 0265

8 августа 1941 года

В ночь с 7 на 8 августа группа самолётов Балтийского флота произвела разведывательный полёт в Германию и бомбила город Берлин. 5 самолётов сбросили бомбы над центром Берлина, а остальные на предместьях города. Объявляя благодарность личному составу самолётов, участвовавших в полёте. Вхожу с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о награждении отличившихся. Выдать каждому члену экипажа, участвовавшему в полёте, по 2 тысячи рублей. Впредь установить, что каждому члену экипажа, сбросившему бомбы на Берлин, выдавать по 2 тысячи рублей. Приказ объявить экипажам самолётов, участвовавших в первой бомбёжке Берлина, и всему личному составу 81-й авиадивизии дальнего действия.

Народный комиссар обороны И. Сталин».

К апрелю 1942 года Эндель Пусэп совершил тридцать ночных боевых вылетов, нанеся бомбовые удары по Берлину, Данцигу и Кёнигсбергу.

В мае 1942 года ему было поручено доставить советскую делегацию во главе с В. М. Молотовым для переговоров сначала в Великобританию, а затем в США. 19 мая 1942 года тяжёлый четырёхмоторный бомбардировщик Пе-8 в сложных метеоусловиях совершил перелёт над территорией, занятой немецкими войсками, в Великобританию и далее через Исландию и аэродром в Хусвее (Канада) — в Вашингтон. Экипаж Пусэпа лично принимали Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт. В Вашингтоне случилась встреча с русской эмигранткой, которая хотела увидеть настоящего русского человека.

«— Я, правда, родился в России, но по национальности я не русский, а эстонец, — ответил я вежливо, приглашая гостью к себе в комнату.

— Эстонец? О таком народе я ничего не слыхала. Он что же, живёт на севере?

Я объяснил старушке, где находится Эстония».

После успешного завершения переговоров и возвращения в СССР Пусэпу было присвоено звание Героя Советского Союза «за отвагу и геройство, проявленные при выполнении задания правительства по осуществлению дальнего ответственного перелёта».

Пусэп бомбил вражеские войска под Сталинградом, Курском, Орлом и Белгородом.

После посещения авиационного полка в 1944 году в записной книжке писателя А. Фадеева появились такие строки об Энделе Пусэпе: «Бывший полярник. Мастер полётов вслепую, прекрасно маневрирует под огнём, в снежных и грозových тучах. Он—белёсый, малого роста, коренастый, светлоглазый, и очень хороша улыбка на чудесном его лице...» В 1944 году Фадеев назвал Пусэпа «выдающимся лётчиком».

Во время одного из вылетов был ранен шрапнелью в область позвоночника, перенёс пять операций. По окончании войны вышел в отставку по состоянию здоровья в звании полковника (1946).

В послевоенное время Пусэп жил в Таллине. Работал начальником главного управления автотранспорта Совета Министров Эстонской ССР (1946–1950), был заместителем председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР (1950–1963), членом ЦК КП Эстонии (1951–1964),

председателем республиканского комитета защиты мира и членом всесоюзного комитета мира, депутатом Верховного Совета ЭССР от 2-го до 5-го созыва и Верховного Совета СССР 4-го созыва, министром социального обеспечения республики (1964–1974). Эндель Карлович был уже немолод, но бодр, подвижен. Невысок ростом. Узкая белая борода, строгий синий галстук, глаза из-под очков смотрели пытливо, на пиджаке—шесть рядов орденских планок, значок почётного полярника. Когда Пусэпа назначили министром социального обеспечения Эстонии, он сказал на первом же совещании коллектива: «К нам за помощью обращаются люди особой категории: инвалиды, пенсионеры. Мы обязаны делать для них всё, что положено по закону... И ещё чуть-чуть от себя».

Увлекался хождением под парусами.

Жена—Ефросинья Михайловна. Сын и невестка Людмила до развала СССР были учителями в городе Пальдэ Эстонской ССР. В 1990-е годы Пусэп по закону о реституции был выселен из своего дома; квартиру в многоквартирном доме ему, как Герою Советского Союза, предоставил один из директоров предприятий упразднёвшейся Эстонской ССР.

Скончался 18 января 1996 года. Похоронен в Таллине на кладбище Метсакальмисту.